

Правовая природа смарт-контракта

Научный руководитель – Афанасьева Екатерина Геннадиевна

Горчакова Анастасия Павловна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра предпринимательского права, Москва, Россия

E-mail: gorchakovaanastasia@mail.ru

В юридической науке ведутся споры о том, что именно из себя представляет смарт-контракт. Одни, например, М.Ю. Юрасов и Д.А. Поздняков, утверждают: это способ обеспечения исполнения обязательства, аргументируя это тем, что, согласно п. 1 ст. 329 ГК РФ, договор и другие обязательства могут обеспечиваться не только способами, поименованными в законе, но и способами, предусмотренными в контракте [1].

И.А. Румянцев пишет о том, что смарт-контракт может существовать как способ исполнения, но лишь в том случае, если он верифицирует цифровой актив (предмет договора) как валидный [2]. Эта позиция объясняется следующим образом: правоотношения между субъектами не могут быть абсолютно стабильными, нередки случаи последующей корректировки содержания соглашения. Одна из характеристик «умного» контракта - невозможность его последующего изменения. Это достаточно рискованный ход, учитывая, что контрагент может передать по договору «битый» токен, т.е. файл, который не поддается расшифровке программой для ЭВМ. Таким образом, надлежащего исполнения не произойдет, хотя система блокчейн зафиксирует его. Это считается главным недостатком пиринговой системы - все равны между собой, не существует защиты «слабой стороны».

Автор также справедливо отмечает, что идея создания «суперпользователя», который обладает организационными правомочиями по пересмотру элементом децентрализованной системы, разрушают всю первоначальную концепцию и снижают ценность блокчейна.

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова предполагают, что смарт контракты можно квалифицировать в качестве несамостоятельной договорной конструкции, которая не может быть заключена без основного договора, предусмотренного Гражданским законодательством [3].

А.И. Савельев утверждает, что «умный» договор признается юридической сделкой, хотя сам по себе является лишь продуктом цифровых технологий, а в правовую науку ничего принципиально нового не привносит. Во-первых, он представляет собой традиционный договор, облеченный в такую форму (но иного правоотношения не возникает), и, во-вторых, цель применения именно алгоритмической формы - исполнение путем трансфера активов через блокчейн, а не сам факт заключения договора [4].

Обратимся к п.1 ст. 420 ГК РФ: «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Ее положения не противоречат существу «смартов».

Кроме того, выделяются и другие основания. Во-первых, его совершение порождает возникновение корреспондирующих прав и обязанностей сторон. Своими офертой и акцептом они выражают свою волю. Во-вторых, суть смарт контракта не противоречит таким основополагающим признакам, как свобода договора (лицо по своему желанию направляет предложение, а контрагент принимает его или нет по своему усмотрению), действия сторон направлены на возникновение какого-либо результата (возникновение, изменение или прекращение правоотношений), также они являются согласованными.

Цифровой вид «умного» контракта не противоречит самому понятию договора с точки зрения законодателя, так как форма опосредования соглашения. Тот факт, что условия договора представлены в виде программного кода, сам по себе не имеет юридического значения.

Е.Е. Богданова утверждает, что он может квалифицироваться как условная сделка, но лишь тогда, когда речь идет о передаче активов в виртуальном мире с помощью технических средств. Другой вопрос, когда договор предусматривает исполнение обязательства в реальном мире (например, передача вещи или оказание услуги). В таком случае «умный» контракт будет выполнять сразу две функции: являться элементом гражданско-правового договора и обеспечивать его исполнение [5].

Также существует точка зрения, что смарт контракт представляет собой форму договора. Эта позиция кажется мне более логичной и подходящей под нормативно-правовые реалии. Ст. 158 ГК РФ предусматривает две формы заключения сделок: устные и письменные. Ст. 160 ГК РФ раскрывает вторую, указывая на то, что она может быть совершена с использованием «электронных или иных технических средств».

Сам по себе смарт контракт не создает нового договора, наряду с арендой, куплей-продажей и другими. Он существует в таком виде лишь потому, что по каким-то причинам должен находиться в блокчейне (например, удобство для финансовых транзакций).

Мне не видится принципиальной разница между цифровым и электронным видом договора относительно формы рассматриваемой сделки. Ни одно, ни другое не создает принципиально нового соглашения. К слову, на это ссылался и А.И. Савельев в приведенной выше цитате «факт представления условий договора в виде программного кода не имеет юридического значения».

Смарт-контракт - это цифровая форма сделки. Он не является самостоятельным договором, так как не создает принципиально нового обязательства, а выделяется отдельно лишь постольку, поскольку опосредуется в системе блокчейн.

Источники:

[1] Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // URL: <https://zakon.ru/blog/2017/10/9>. Текст: электронный. Дата обращения: 11.02.2022.

[2] Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. СПС «КонсультантПлюс».

[3] Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. N 1. 26 с

[4] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. N 5. 106 с.\

[5] Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. N 7. С. 111.